

© М. Ю. Мартынова

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. А. ТОКАРЕВА И ЕГО ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья посвящена одному из интереснейших «эпизодов» в научной жизни С. А. Токарева, а именно его экспертной деятельности в составе Международной комиссии по установлению новых послевоенных границ. Это был тот случай, когда знания этнографов оказались востребованными не только на государственном, но и на международном уровнях. В 40–50-е годы прошлого века одним из наиболее острых вопросов международной политики являлся, как известно, вопрос о государственной принадлежности Юлийской Крайны или Венеции-Джулии. Триест — город и регион, который считается хрестоматийным и, некоторым образом, даже нарицательным для историков и политиков, занимающихся проблемой границ и меньшинств. При решении проблемы спорных территорий нередко вспоминают о так называемой «модели Триеста». Сегодня эта историческая область поделена между тремя государствами: Италией, Словенией и Хорватией. Но тому предшествовала долгая история, в которой принимали участие разные игроки. Судьба региона решалась в несколько этапов. При этом важнейшим критерием проведения границы после Второй мировой войны стал этнический состав населения спорных территорий. В принятии решения значительную роль играл СССР. Видный отечественный этнограф С. А. Токарев был членом комиссии по определению границ. Во время зарубежных поездок 1946–1947 гг. С. А. Токарев вел дневники, в которых он ежедневно записывал все, что с ним произошло в течение дня, свои наблюдения в ходе заседаний и во время обследовательских поездок по Истрии и северо-восточной Италии. Дневник написан так подробно, включает такое множество деталей, что является живой зарисовкой жизни исследуемой Комиссией области, передает непростую атмосферу тех лет. Именно поэтому дневник представляет интерес не только для ученых-специалистов, но и для широкого круга читателей. После возвращения на родину С. А. Токарев начал готовить к публикации этнографический труд, основанный на материалах своего дневника, но не успел завершить эту работу. Лишь недавно, к прошлому юбилею Сергея Александровича, благодаря инициативе его дочери, Евгении Сергеевны, эти дневники были опубликованы.

Ключевые слова: С. А. Токарев, история этнологии, этнологическая экспертиза, автоэтнография, Триест, дневник как источник

Мартынова Марина Юрьевна — д. и. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — зав. Центром европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7280-7450>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

Ссылка при цитировании: Мартынова М. Ю. Экспертная деятельность С. А. Токарева и его полевые дневники как этнографический источник // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 94–116.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/94-116

Original Article

© *Marina Martynova*

SERGEY A. TOKAREV AS AN EXPERT AND HIS FIELD DIARIES AS AN ETHNOGRAPHIC SOURCE

The article is devoted to one of the most fascinating “episodes” in the scientific life of Sergey A. Tokarev, namely his work as an expert member of the International Commission for the Establishment of New Postwar Frontiers. This was the case when ethnographers’ knowledge was in demand not only at the state level but also at the international one. In the 40s and 50s of the last century, one of the most pressing issues of international politics was the question of the statehood of Julijska Krajina (Croatian and Slovene; Engl. The Julian March) or Venezia Giulia (Italian; Engl. Julian Venetia). Trieste is a city and a region, which is a paradigmatic case for all historians and politicians dealing with borders and minorities. The so-called “Trieste model” is often recalled when dealing with the problem of disputed territories. Today, this historic territory is divided between three states: Italy, Slovenia, and Croatia. But such a division took a long time to be established, in which different players participated. The fate of the region was decided in several stages. The main criterion for drawing the border after World War II was the ethnic composition of the population in the disputed territories. The USSR played an important role in making the decision. Sergey A. Tokarev, a prominent Russian ethnographer, was a member of the commission that drew the borders. During his foreign trips in 1946–1947, S. A. Tokarev kept diaries in which he recorded daily everything that happened to him during the day, his observations during meetings and trips to Istria and northeast Italy. The diary is written in such detail that it is a living sketch of the life in the area studied by the Commission, which conveys the difficult atmosphere of those years. That is why the diary is of interest not only to scholars but also to a wide range of readers. After returning home, S. A. Tokarev began to prepare for publication an ethnographic work based on the materials of his diary, but he did not have time to complete this work. Only recently, for the last anniversary of Sergey Aleksandrovich, thanks to the initiative of his daughter, Evgenia Sergeevna, these diaries were published.

Keywords: *Sergey A. Tokarev, history of ethnology, ethnological expertise, autoethnography, Trieste, diary as a source*

Author Info: **Martynova, Marina Yu.** — Dr. of History, Professor, Head of the Department for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: martynova@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7280-7450>

For citation: Martynova, M. Yu. 2024. Sergey A. Tokarev as an Expert and his Field Diaries as an Ethnographic Source. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 94–116.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Вспоминая Сергея Александровича

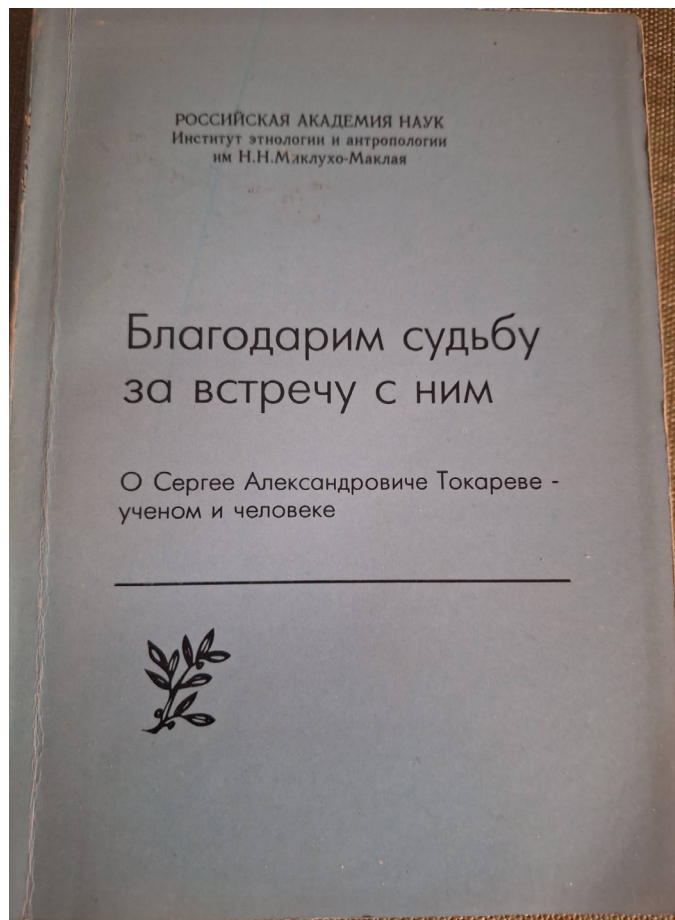

Рис. 1. Обложка книги воспоминаний коллег о С. А. Токареве. 1995 г.

Жизнь и творчество Сергея Александровича Токарева — это ярчайший феномен отечественной и мировой этнографической науки. Широта научных интересов Сергея Александровича известна всем, кто знаком с его творчеством. Это, несомненно, был истинный интеллигент, широко образованный, с разносторонними интересами. С. А. Токарев был ученым-энциклопедистом. Диапазон описанных в его трудах народов необычайно широк. Среди них — народы Австралии и Океании, Америки и Европы, якуты и алтайцы... Особое место среди написанного Сергеем Александровичем занимают работы по истории науки, а также по истории религии. Интерес к религии, прежде всего — к ранним ее формам, прошел через всю его жизнь. С. А. Токарев много лет читал студентам лекции,

отчасти поэтому его монографии — это детальная сводка огромного количества эмпирических данных и этнографических фактов о жизни в самых разных регионах мира. Безусловна заслуга Токарева и в том, что им разработана методика преподавания этнографии. Но глубина тематического охвата объясняется во многом огромной эрудицией Сергея Александровича.

Часто высказывается мысль, что С. А. Токарев олицетворял собой связь между дореволюционным научным миром и советским. Токарев неоднократно говорил о важности соблюдения преемственности в науке. Преемственность, по его убеждению, необходимо сохранять и при изменениях в проблематике и методах этнографии. Сам С. А. Токарев свои научные подходы именовал сравнительно-этнографическим (историко-этнографическим) методом. Особенно ярко это проявилось в

коллективных трудах сектора Зарубежной Европы, которым С. А. Токарев заведовал с 1961 г. на протяжении 20 лет. Но подходить к изучению взглядов и научного наследия ученого такого масштаба нельзя упрощенно. Объем научных достижений Токарева заслуживает системного и многоуровневого анализа его наследия.

Этнограф Л. В. Маркова, одна из любимых учениц Сергея Александровича, характеризуя его творчество, обратила внимание на тот факт, что начиная с 1950-х годов этнография повернулась к изучению современности: «Она распространила сферу своих интересов на городское население. Большим размахом получили междисциплинарные исследования с участием «нетрадиционных» союзников — социологии, психологии, которые сильно потеснили прежних — фольклористику, археологию, искусствоведение (Маркова 1995: 49). Можно согласиться с Людмилой Васильевной, что С. А. Токарев в этой ситуации выступает отнюдь не консерватором. Он поддержал изучение быта и культуры рабочих, других горожан, исследование этнонациональных процессов. Хотя его беспокоило, что в комплексных исследованиях этнографы нередко теряют предмет своей науки. Токарев высоко ставил этнографию в ряду гуманитарных наук и верил, что она может внести существенный и только ей присущий вклад в дело социальных и культурных преобразований общества (Маркова 1995: 49).

Л. В. Маркова пишет в своих воспоминаниях, что многим тогда казалось, что Сергей Александрович преувеличивает практическое значение этнографии, что это очередное увлечение человека «не от мира сего». Но теперь мы понимаем, что С. А. Токарев проявлял, напротив, реализм и дальновидность, а распространенный в то время скепсис в отношении общественной роли этнографии, быть может, сыграл тормозящую роль в ее перестройке.

В 1950–1960-е годы и позднее С. А. Токарев вплотную занялся европеистикой (Маркова 1995: 50). И тут он обратил внимание, что у цивилизованных европейских народов открываются интереснейшие пласты традиционной культуры, элементы которых, претерпев изменения и трансформации, прослеживаются и сейчас, возрождаются как фольклоризмы, ценятся как выражение специфики каждого народа.

Дневники же С. А. Токарева, о которых речь пойдет дальше, свидетельствуют о том, что актуализация этнографии (в т. ч. для Токарева) и даже ее востребованность в политических целях стала очевидна гораздо раньше, отнюдь не в 1950-е годы, а еще во время Второй мировой войны и вскоре после ее окончания.

Говоря о включении С. А. Токарева в осмысление реалий своего времени, и более широко о прикладной роли этнографии во времена Сергея Александровича мне бы в своей сегодняшней публикации хотелось подробнее остановиться на одном из интереснейших аспектов научной жизни С. А. Токарева, а именно его экспертной деятельности.

Дневники Сергея Александровича и начало токаревской европеистики

В научном наследии С. А. Токарева особое место занимают его дневники. Они помогают более глубоко понять в том числе и научный феномен Сергея Александровича. В отличие от многочисленных опубликованных монографий и статей, которые были рассчитаны на публичность, дневники — вещь достаточно интимная. Тем ценнее они как источник, помогающий лучше понять личность ученого, бытовые подробности его жизни и научные раздумья, атмосферу тех лет. Дневники Сергея Александровича — кладезь

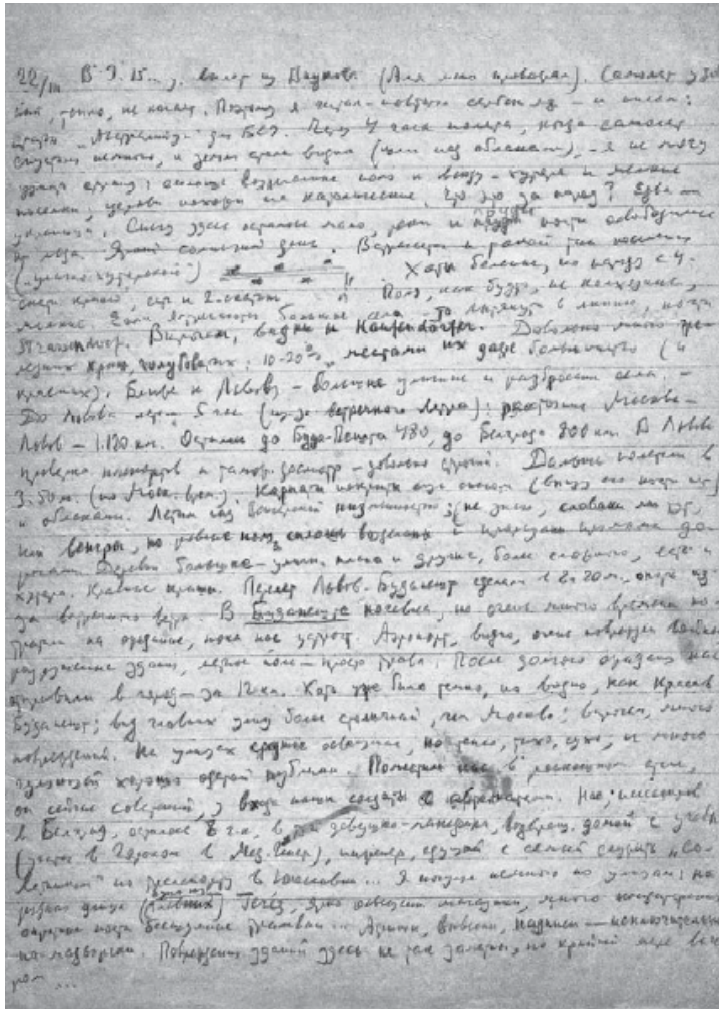

Рис. 2. Страница из дневника С. А. Токарева

в Среднюю Азию, на Алтай, в Бурятию, Якутию, Крым, Шапсугию.

Во время поездок на Балканы 1946–1947 гг., первых его зарубежных командировок, С. А. Токарев тоже, как обычно, ежедневно записывал все, что с ним произошло в течение дня. Особо хочется отметить наблюдения Сергея Александровича во время путешествий по полуострову Истрия и северо-восточной Италии, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Дневники написаны столь подробно, включают такое множество деталей, что являются живой зарисовкой жизни исследуемых областей, передает непростую атмосферу тех лет. Именно поэтому записи представляют интерес не только для ученых-специалистов, но и для широкого круга читателей. После возвращения на родину С. А. Токарев начал готовить к публикации этнографический труд, основанный на материалах своего дневника, но не успел завершить эту работу. Лишь недавно, к прошлому юбилею Сергея Александровича, благодаря инициативе его дочери, Евгении Сергеевны, эти дневники были опубликованы.

сведений, содержащих интереснейший материал об истории советской науки, развитии предметного поля этнографии. Думаю, еще не одно поколение ученых будет изучать записи ученого.

Сергей Александрович вел свои дневники на протяжении почти 60 лет: с 1926 г. и почти до самой смерти, до 1985 г. Большею частью это короткие заметки о различных событиях, фиксация событий, которые произошли за день, касающиеся его научной и преподавательской деятельности, встреч с коллегами и друзьями и т. д. Бытовые подробности жизни ученого того времени, безусловно, очень интересны. Наряду с бытовыми записями С. А. Токарев вел дневники во время этнографических экспедиций, в основном в 1920–1940 г. В них освещены поездки

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, и дневники это подтверждают, что и во времена Сергея Александровича этнография была той наукой, которая тесно связана с современными проблемами общества, с политикой. Ее актуальность и востребованность подтверждается в дневниковых записях ученого.

Сергей Александрович написал 7 апреля 1943 г.:

«Хотя я назначен заведующим отдела Австралии и Океании, но основная работа сейчас будет, и у меня в частности, совсем по другому направлению: главная задача сейчас становится — этнографическое описание пограничных и заграничных стран, которые могут представлять интерес с военной точки зрения. По заданию разведывательного отдела Генерального штаба, а также, кажется, НКВД, будут даны описания: Германии и Придунайских стран, для этого создаются две бригады, из них 2-ая — по Придунайским странам — поручается мне, значит, надо подобрать работников, распределить работу, самому написать часть: речь идет о 6 странах (Чехословакия, Австрия, Венгрия, Югославия, Болгария, Румыния)» (Из дневников 1995: 181).

Почему именно С. А. Токареву поручили эту работу? Думаю, не последнюю роль сыграл тот факт, что, согласно анкете, к тому времени Сергей Александрович знал 8 языков: свободно — английский, французский, немецкий, слабее — испанский, голландский, чешский, латинский, греческий. Ну и конечно, он был признанным ученым. 2 авг. 1946 г. «Начал читать по Венгрии — ибо этой страной придется заниматься мне же (этнографией), — больше никому» (Из дневников 1995: 183).

Перечислим еще некоторые события, связанные с деятельностью С. А. Токарева и дающие представление о том, чем занималась ученые во времена Сергея Александровича:

Запись от 4 августа 1943 г. «В ИЭ — совещание о вновь начинаемой работе: изучение западной этнографической границы СССР: эта граница делится на участки (литовско-немецкий, белорусско-польский, украинско-польский, украинско-молдавско-румынский), по каждому участку будет работать группа... Мне достался литовско-немецкий участок. Придется заняться Литвой (задача связана с войной, отговариваться нельзя; да и интересно, конечно)» (Из дневников 1995: 183).

18 декабря 1943 г. «Институту (Литвиновым) дан ряд прямых заданий по вопросам этнографии европейских стран. НКВД, в частности, поручает нам разработать вопросы о следующих территориях: Югославия, Албания, Трансильвания и Банат, Подкарпатская Русь, Польша, Вост. Пруссия, Финляндия, Югославия — в 1-ую очередь... Мне страшно интересна эта тема, — я еще раньше увлекался, в особенности македонским вопросом... Можно гордиться тем, как наша этнографическая наука завоевывает себе официальное признание, мы начинаем оказывать какое-то, пусть пока небольшое, влияние на ход мировых событий» (Из дневников 1995: 185).

Обратите внимание, С. А. Токарев с гордостью пишет о том, что этнография начинает влиять на ход мировых событий и что ему связанные с современными проблемами темы страшно интересны. Сергей Александрович записал и о внимании к этнографии народов Европы:

В 1943 г. «... В порядке спецзаданий, но с пользой и интересом для себя он изучил основательно [этнографию ряда европейских народов]... По всем

этим странам написал кое-что для ведомственного пользования, может быть, часть в дальнейшем пойдет в печать» (Из дневников 1995: 186).

21 февр. 1944 г. «На заседании отдела Европы (доклад Чернецова) обсуждался вопрос о западной границе карел. По предложению С.А. «решено, что границу проводить, если нельзя разграничить реально (хотя бы по языку) карел Финляндии от финнов, — примерно так, как это делалось на старых картах, отделив чистых (русских) карел от «финно-карел», которых пометить уже без разделения, на всей территории Финляндии» (Из дневников 1995: 187).

6 марта 1944 г. «Был мой доклад о Трансильвании (от имени 3 соавторов — кроме меня еще Сергиевский и Салманович), вопрос об очень важном и срочном задании, полученном Институтом: речь идет о состоянии общей этнографической карты Средней и Восточной Европы, с объяснительным текстом, в этой работе участвует весь коллектив Института, на мою долю приходится опять: Чехословакия, Австрия, Венгрия» (Из дневников 1995: 187).

24 мая 1944 г. «Я получил еще новое задание — составить подробную — в 2,5 печ. листа докладную записку (статью) к этнографической карте Чехословакии, с детальным историческим обоснованием истории расселения, государственной территории, национальных взаимоотношений и пр. ... Мало того, еще надо переделать мою прежнюю статью о Македонии. Это ужас! И все по заданиям тех же таинственных «заказчиков» (НКВД, очевидно)» (Из дневников 1995: 189).

Перед учеными-этнографами в 1940-е годы стояли и другие задачи. Началось активное изучение западно- и южнославянских народов от вопросов этногенеза до современного национального развития. О важности этого направления писал секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову вице-президент Академии наук СССР академик В. П. Волгин, основываясь на докладной записке директора Института этнографии С. П. Толстова и ученого секретаря М. Г. Рабиновича, известного ученого, специалиста по этнографии славян. В частности, речь шла и о славянской составляющей в Болгарии (Архив РАН. Ф. 2).

Запись С. А. Токарева от 27 мая 1944 г. об изучении им общеславянских элементов культуры:

«Мне поручено еще одно дело — часть статьи об общеславянских элементах культуры и о культурном влиянии славян на другие народы: на мою долю приходятся общественные формы, семейные обычаи, верования, а также влияние славян на венгров; первое — довольно неудачная постановка вопроса вообще (общественные формы — явление стадияльное, а не этническое)» (Из дневников 1995: 189).

Еще один аспект экспертной деятельности С. А., правда, не вызвавший у него одобрения, связана с музейными коллекциями в Германии:

15 сент. 1944 г. ему поручено «собрать материалы о славянских этнографических коллекциях в музеях Германии: это по особому заданию, очевидно, на предмет изъятия этих коллекций. ... Мне это не нравится: научные музейные ценности не должны превращаться в ходячую монету для сведения взаимных счетов» (Из дневников 1995: 190).

И, наконец, запись Сергея Александровича о предстоящей поездке на Балканы, датированная 17 сентября 1945 г.

«Главная новость: Кушнер сообщил мне, что намечена по предложению Отдела Пропаганды ЦК большая экспедиция в Болгарию и Югославию, и я должен буду ею руководить... Цели — с одной стороны, полевая работа, с другой — «представительство» советской науки, связи с научными кругами этих стран, лекции и др. ... Мне это, конечно, очень интересно» (Из дневников 1995: 193).

20 ноября 1945 г. «Вопрос о поездке на Балканы принимает более реальный вид, я видел постановление Президиума АН» (Из дневников 1995: 194).

Первой страной, которую посетила советская делегация, была Болгария, где экспедиция работала с 12 января по 3 февраля 1946 г. В ее составе были П. Н. Третьяков (руководитель), А. В. Арциховский, В. И. Равдоникас, Б. А. Рыбаков, П. Г. Богатырев (фольклорист) и С. А. Токарев (Токарев 2020: 183). Летели через Бухарест. Начальные этнографические наблюдения связаны с характером поселений в Румынии. Сергей Александрович 12 января записал:

«Прежде всего бросается в глаза отсутствие неводеланной земли. Кроме лесов и рощиц (большой частью прямоугольного контура), все — сплошные поля; не видно ни одного необработанного клочка. Деревни — уличного или квартального плана, иногда — уличного с ответвлениями; некоторые деревни — одноуличные — тянутся на километры, и вообще преобладают большие деревни» (Токарев 2020: 184–185).

Отметим, что народное жилище — один из интересных для С. А. Токарева сюжетов применительно и к другим регионам мира. Он среди прочего при любой возможности внимательно осматривал дома селян. Не случайно среди его публикаций есть специально посвященные жилищу и его типологии монографии (напр.: Токарев 1968).

Уже в Болгарии 14 января Сергей Александрович восхищается: «Масса впечатлений, все не запишешь». «Нам посчастливилось видеть большую часть зимнего-святочного цикла» (Токарев 2020: 188–193). С помощью местных этнографов состоялись выезды в деревни разных районов. О темпе жизни С. А. Токарева в поездках, о напряженном графике работы, о стремлении увидеть, как можно больше, можно судить, например, по той же записи 14 января и последующим:

«Но после такого богатого впечатлениями дня, вместо отдыха и сна (только 1,5 часа поспали), в 12-м часу ночи поехали на автомобилях в дер[евню] Дивлю смотреть праздник Сурваки» (Токарев 2020: 190).

«19/1. Поездка в деревню Панчарево. Она — в 15 км от Софии к юго-востоку, в начале гор, на р. Искере... Цель поездки — посмотреть крещенские обряды, а также постройки и пр. Поездка оказалась очень удачной». И т. д. С. А. Токарев в дневнике фиксирует очень много описаний обрядов, типов жилищ, одежды. Он побывал и у липован. Сам Сергей Александрович говорил, что с точки зрения этнографии больше всего ему удалось увидеть именно в Болгарии (Токарев 2020: 196).

После Болгарии делегация перебралась в Югославию, где пробыла с 4 февраля по 2 марта 1946 г. (25 дней). П. Н. Третьяков, так же, как и относительно Болгарии,

Рис. 3. Сергей Александрович и две девушки в национальных костюмах. Деревня Бели Поток, Болгария. 1946 г. Архив семьи С. А. Токарева

отметил в отчете большой интерес со стороны югославских ученых к советской науке и необходимость отправки туда научной литературы, изданной в СССР. Члены советской делегации прочитали в Югославии 19 лекций (в том числе две лекции прочитал С. А. Токарев), совершили поездки по стране (Токарев 2020: 499).

Конечно, и в это занятое основными делами время Сергей Александрович использовал любую возможность для этнографических наблюдений. Правда, в Сербии С. А. Токареву удалось совершить только один выезд в деревню. Большую часть времени он провел в Белграде. На Сергея Александровича большое впечатление произвел Этнографический музей. Это и не удивительно. Этнографический музей (серб. Етнографски музеј) г. Белграда является одним из старейших среди музеев своего профиля на Балканах. Он был учрежден в 1901 г., а система-

тический сбор этнографических материалов в этом регионе был начат еще с середины XIX века. Росту интереса к своей традиционной культуре во многом способствовало проведение в Москве в 1867 г. Всеславянской выставки, где были представлены и южнославянские экспонаты (о чем, конечно, С. А. Токарев знал). Формирование этнографических коллекций сначала осуществлялось в рамках Национального музея Сербии, они и легли в основу вновь созданного Этнографического музея. С 1951 г. Этнографический музей располагается в своем нынешнем шестиэтажном здании в центре столицы (по своим архитектурным характеристикам оно признано памятником архитектуры).

Затем члены делегации поехали в Загреб, столицу Хорватии.

«По правой стороне, на север, у подножья холмов, тянутся непрерывной линией селения, — незаметно даже где границы между ними. Аккуратные белые домики, красные черепичные крутые крыши, каждая усадьба огорожена, дом и хозяйственные постройки отдельно; острые шпили церквей. Чувствуется иная культурная область». О Хорватии Сергей Александрович пишет: «Как всё иначе здесь, чем у болгар! Старые свадебные обычаи почти не соблюдаются» (Токарев 2020: 230).

При этом дает описания и самого свадебного обряда, и жилища, и народной одежды.

10 февраля С. А. Токарева экстренно вызвали в Белград, где Сергей Александрович еще длительное время (с 15 февраля по 8 марта) оставался. Его отозвали для работы в составе Комиссии экспертов 4 стран-победительниц, созданной для разработки предложений по проведению итало-югославской границы (Кстати, жил он в отеле «Мажестик», построенном в 1936 г. и до сих пор расположенном в центре сербской столицы).

Готовясь к ответственной работе, имеющей судьбоносное для многих государств значение, читая соответствующую литературу, Сергей Александрович вел и этнографические наблюдения. С. А. Токарев 13–14 февраля 1946 г. ездил в село Бели Поток, в 10 км к югу от Белграда, посмотреть праздник Славы. Известный также под названием Крестная слава — это праздник святого покровителя семьи, важнейший семейный праздник для православного южного славянина. Сербь по праву считают Славу одной из особенностей своей культуры, хотя Слава празднуется также православным населением Черногории, северной Македонии, Боснии и Герцеговины. Известна она и в соседних районах Болгарии и Румынии, в некоторых районах Хорватии, пограничных с Боснией и Герцеговиной. По одной из версий происхождение праздника связывают с периодом Османского завоевания, стремлением сохранить православную веру в семье, когда христианство подвергалось гонениям. По другой версии это языческое наследие.

Сергей Александрович, как истинный этнограф, конечно, не мог упустить возможность лично лицезреть уникальное торжество. Дневник донес до нас детальное описание увиденного ученым обряда:

«Комната по праздничному украшена, ветки зелени, ленты звездой от лампы на потолке к стенам. Длинный стол покрыт чистой белой скатертью, на нем «колач» с украшениями и воткнутыми веточками сильно пахучей травы «бó-силяк» [базилик], которая употребляется для окуривания на празднике. Но колач будут есть завтра. Сегодня нас угостили ракией, слоеным пирогом с маком» (Токарев 2020: 239).

14 февраля 1946 г.: «Главный момент праздника «дизање у славу»; это делается до прихода гостей; в кругу самых близких людей; мы участвовали в этом обряде в двух домах. Домачин зажигает свечу, наливает всем вина (не ракию, которой может угостить заранее), кладет в маленькую курильницу на горячие угли пучок травы «босиляк» и окуривает ею свечу, колач, всех присутствующих (окуриваемый крестится) и под иконой; это повторяется три раза. Произносит молитву или благословение. Один из присутствующих

читает «Отче наш». Пьют вино, чокаясь с домашином, произнося пожелания; домашин доликает стаканы до полна, чтобы был урожай. Домашин дает всем по ложечке колива (начинает сам). Гости пожимают ему руки «честита славу» — это главный момент праздника. После этого гости, если они собрались, садятся за стол (все предыдущее делалось стоя)» (Токарев 2020: 340).

Работа по определению государственной границы

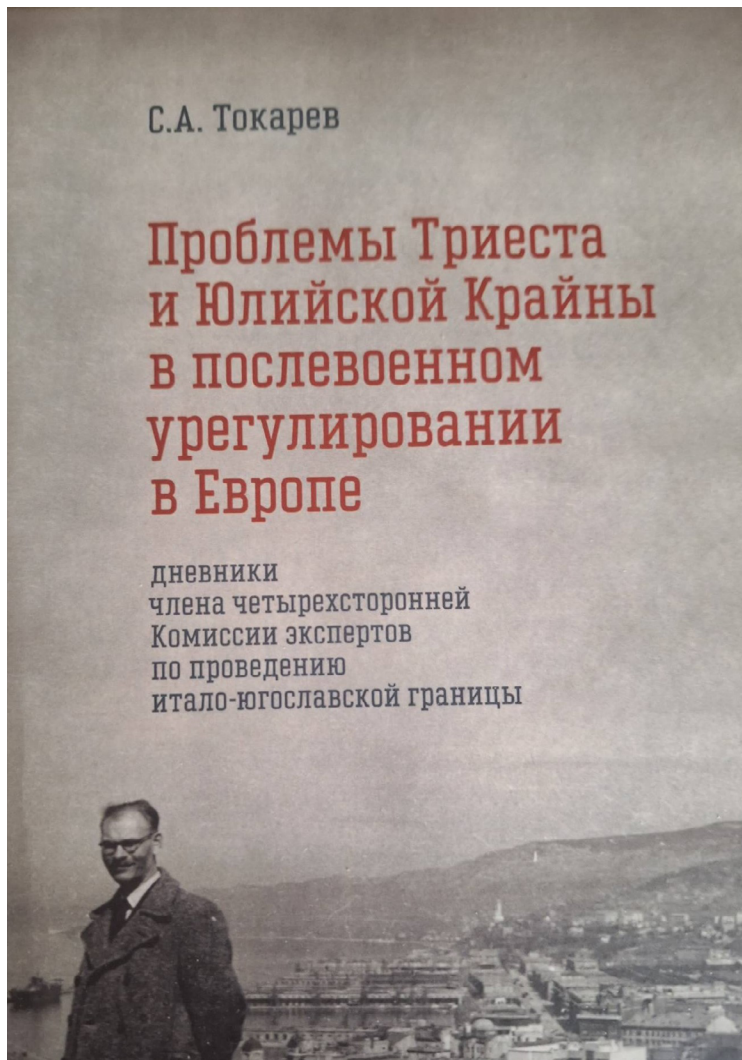

Рис. 4. Обложка книги, в которой опубликованы дневниковые записи С. А. Токарева 1946–1947 гг.

На завершающем этапе Второй мировой войны будущая югославно-итальянская граница была важным элементом планирования послевоенного устройства мира Советским Союзом, Великобританией и США, а также Югославией. При этом решение вопроса о государственной границе между Италией и Югославией вышло далеко за пределы территориального спора двух государств. Как отметил белорусский историк А. П. Сальков, спор о Триесте приобрел многомерный формат. Это была борьба двух идеологических систем. Но кроме геостратегического значения Триеста большую роль для Запада играл гуманитарный фактор (см. подробнее: Сальков 2020: 105 и др.).

Вопрос о государственной принадлежности

Юлийской Краины (в югославском варианте названия региона) или Венеции-Джулии (итальянский вариант) являлся, как известно, одним из наиболее острых вопросов международной политики. Триест — город и регион, который считается хрестоматийным и, некоторым образом, даже нарицательным для историков и политиков,

занимающихся проблемой границ и меньшинств. При решении проблемы спорных территорий нередко вспоминают о так называемой «модели Триеста». Сегодня эта историческая область поделена между тремя государствами: Италией (собственно, в состав Италии входит ее маленькая часть — г. Триест), Словенией и Хорватией. Но тому предшествовала долгая история, в которой принимали участие разные игроки. Судьба региона решалась в несколько этапов. При этом важнейшим критерием проведения границы после Второй мировой войны являлся этнический состав населения спорных территорий. В принятии решения значительную роль играл СССР. Видный отечественный этнограф С. А. Токарев был членом международной комиссии по определению границ. В состав комиссии входили эксперты из СССР, США, Англии и Франции. Проводилась этнологическая экспертиза, вышло множество научных трудов о составе местного населения и его традициях, в том числе и в нашей стране.

О Триесте. Район полуострова Истрия и Триеста, получивший в Югославии название Юлийской Крайны, а в Италии — Венеции-Джулии, в большинстве населенный словенцами и хорватами, не был включен в возникшее в 1918 г. югославское государство и оказался в составе Италии (перешел от Австро-Венгрии по итогам 1 Мировой войны, когда к Италии отошел не только Триест, но и почти все Австрийское Приморье). В ходе так называемой народно-освободительной войны новая Югославия провозгласила одной из своих внешнеполитических задач воссоединение этой территории, где югославское НОД развернуло активную борьбу.

С началом Второй мировой войны и вовлечением в нее Югославии в апреле 1941 г. и вплоть до выхода Италии из войны в июле 1943 г. Триест был полем нескольких территориальных переделов между Германией, Италией и Независимым государством Хорватия. В 1943 г. Триест оккупировали немецкие войска.

Первого мая 1945 г. Триест был занят авангардом югославской армии. Город 43 дня находился под властью Иосипа Броз Тито (1 мая 1945 — 12 июня 1945). Когда на заключительном этапе Второй мировой войны в Италию были введены германские войска для оказания поддержки свергнутому было Б. Муссолини, город Триест был тоже оккупирован. Но поражение Германии являлось вопросом времени и, понимая это, 30 апреля 1945 г., не дожидаясь прихода наступавших на гитлеровцев американско-британских войск, в зону Триеста с юга вошли отряды И. Б. Тито, которые взяли ее под свой контроль. Однако вскоре они были вытеснены оттуда подоспевшими силами американско-британскими войсками, задачей которых было занятие территорий всей довоенной Италии.

12 июня 1945 г. Триест стал частью американско-британской оккупационной зоны. На завершающем этапе Второй мировой войны будущая югославо-итальянская граница была важным элементом планирования послевоенного устройства мира Советским Союзом, Великобританией и США, а также Югославией. Лишь в 1954 г. город Триест окончательно присоединился к Италии.

Однако созданная на совещании Межсоюзная комиссия экспертов по итало-югославской границе не смогла прийти к соглашению. Поэтому вместо одной согласованной линии границы были представлены четыре. Наиболее близка к советской была французская линия, которая, однако, воспринима-

лась Белградом как совершенно неприемлемая. В итоге на II (Парижской) сессии Совета министров иностранных дел (15 июня — 12 июля 1946 г.) было принято решение об образовании Свободной территории Триест. В качестве основы будущей итало-югославской границы была выбрана французская линия (см. подробнее, напр.: *Мартынова* 2020).

В Белграде Сергей Александрович начал срочно готовиться к поездке, т. к. считал, что его знаний для выполнения столь важной миссии недостаточно. Подготовка С. А. Токарева к поездке заключалась в изучении материалов и карт, розыске данных по итальянской диалектологии и по фурланам, по церковной статистике для пограничных районов («Церковная статистика в этих случаях более надежна, чем официальная», — пишет он). За несколько дней он уже настолько погрузился в изучение этого предмета («Я прорабатывал все, что есть налицо, прочертил желательные маршруты по приграничным территориям — по карте, начал размечать на карте национальный состав деревень» — записывает он), что сделал небольшое сообщение о положении дел с границей на совещании в посольстве, а также набросал проект докладной записки о территориальных требованиях Югославии, советуя не выдвигать требований, идущих дальше этнографической границы, чтобы не ослаблять этим своих позиций. Помимо этого, он срочно занялся изучением итальянского языка.

Рис. 5. С. А. Токарев на улице Старого города. Триест. Апрель 1947 г.
Архив семьи С. А. Токарева

Советские члены комиссии прибыли в Триест 9 марта. Комиссия экспертов в 1946 г. работала в Юлийской Крайне на протяжении 27 дней (с 9 марта по 4 апреля

1946 г.). Работа состояла в посещении отдельных участков пограничной полосы, в интервью и беседах с представителями населения и местных организаций. Комиссия посетила 5 городов, 27 деревень и населенных пунктов, провела 52 опроса, получила около 4000 петиций и меморандумов, из которых 350 были проитальянскими и 3650 проюгославскими (Токарев 2020: 258, 294; АВП РФ 1. Л. 25–26).

Когда в 1946 г. работала международная комиссия по определению италяно-югославской границы, тщательно исследовались районы со смешанным населением, т. к. международным сообществом было решено, что именно этнический принцип будет определяющим при проведении границы. Деятельность комиссии состояла в посещении отдельных участков пограничной полосы, в интервью и беседах с представителями населения и местных организаций.

Как следует из материалов работы комиссии, в Триесте и окрестностях главной трудностью оказалось выяснение этнического состава населения. Комиссия пришла к выводу, что старые переписи (австрийская 1900 г. и ит. — 1921 г.) преуменьшали число славянского населения, так как (первая учитывала не национальность, а «обиходный (разговорный) язык» — для многих славян таковым был итальянский. Итальянская считала в свою пользу (по словам Сергея Александровича, она содержала в себе прямую фальсификацию фактов (Токарев 2020: 443–444, 481). Поэтому, по данным тех переписей, доля славян в Триесте составляла от 8 до 27%, тогда как в действительности (опираясь результаты югославской переписи 1945 г., основанной на опросах населения) их, как считают эксперты, было не менее 40% в самом городе, пригороды же и окрестности были полностью славянскими. Однако доказать это точными цифровыми показателями было весьма трудно (Токарев 2020: 443; Сальков 2009: 9–30; Красновская 1971: 5–8).

Данные статистики уточнялись и корректировались. Комиссия пришла к мнению, что этническая линия проходит таким образом, что сам Триест необходимо оставить к западу от линии границы (то есть в Италии), а все ближайшие села — к востоку (то есть в Югославии). Тогда было констатировано, что этнический принцип играл против югославов лишь в приморских городах. Поскольку советские эксперты стояли на стороне интересов Югославии, они активно использовали аргумент этнического принципа. Так, заместитель министра иностранных дел СССР Ф. Т. Гусев предложил передать Югославии район Тарвизио, так как в нем «совсем нет итальянцев, а то обстоятельство, что в нем большинство немцев, не имеет значения, так как речь идет не о немцах, а о итальянцах и словенцах» (Сальков 2009: 25).

Советские эксперты и на основании экономического обследования утверждали единство и неделимость Истрии, в то время как западные партнеры старались доказать тяготение западных районов Истрии к городам западного побережья. Некоторые территории не вызывали разногласий, другие же оказывались более сложными. (Этническая граница на участке от устья Изонцо до Горицы и Крмина (Кормонса) не вызвала разногласий). В частности, более сложным оказался вопрос о районе Бенешской (Венецианской) Словении, населенном, по мнению советских экспертов, словенцами, сильно италянизированными и запуганными итальянскими властями (Сальков 2010: 27; АВП РФ 2).

С. А. Токарев 22 марта 1946 г. написал в дневнике:

«Моя точка зрения продолжает оставаться прежней: никакой этнической границы в Истрии провести нельзя, ибо здесь есть только изолированные

итальянские островки; Истрия вся должна принадлежать Югославии. Но на всякий случай надо подготовить материал и по национальному составу отдельных общин» (Токарев 2020: 278).

При чтении записей С. А. Токарева создается впечатление, что он в целом симпатизировал больше югославам, чем итальянцам. Сергей Александрович итальянцев называл националистами и фашистами. Так, он писал 15 февраля 1946 г., еще находясь в Югославии:

«Неблагоприятные сведения в газетах: в Триесте (где будет база работы Комиссии) собралась вся международная фашистская мерзость, и готовятся провокации: приятная обстановка для работы! Боюсь, будет немало трудностей вообще» (Токарев 2020: 243).

Токарев почти все итальянские организации именовал фашистскими, даже Комитеты национального освобождения. Запись 31 марта 1946 г. в связи с посещением в провинции Удине, д. Люсевера:

«... Полуфашистский молодчик подослал к нам потом несколько стариков, которым было строго запрещено говорить и понимать по-словенски. — Однако, вопреки итало-фашистскому террору, видно, что словенская национальность сохранилась... Я тоже немного успел поговорить (как умею) по-словенски с двумя стариками на улице. Итальянское жульничество никого не обманывает» (Токарев 2020: 288).

1 апр. 1946. Поездка в Резью, тоже в Удине:

«Официально-итальянское вранье меня не интересует». «Резьяне говорят на особом диалекте, смешанном из итальянских, фурланских, словенских и немецких слов» (Токарев 2020: 290, 291).

Несколько позже, 10 дек. 1947 г. Токарев написал в дневнике, что сдал в деканат статью «Как итальянские националисты обосновывают свои права на Юлийскую Крайну» (Из дневников 1995: 199).

Прошу прощения, если это обижает итальянцев и итальянистов. Сказывалось послевоенное время. Евгения Сергеевна Токарева, подготовившая публикацию, — тоже итальянист. Она в книге высказала благодарность итальянским коллегам — директору и сотрудникам «Biblioteca Civica» в Триесте и профессору университета Валле д'Аоста Маурицио Пизери. Он выступил в ряде случаев в качестве консультанта. Итальянским ученым Ритой Толомео написана одна из вступительных статей (к изданию дневников Сергея Александровича) об итальянской историографии, посвященной Триесту и провинции Джулия (Есть еще вступительные статьи самой Е. С. Токаревой, моя и А. П. Салькова) (Токарев 2020: 7–183).

Рита Толомео пишет о своеобразии Триеста, который был самым крупным торговым центром на Адриатике при Габсбургах. В силу чего это был космополитичный город, который служил магнитом для словенцев, их присутствие вело к изменению в количественном соотношении между итальянским или италоговорящим населением и славянами (Толомео 2020: 167). Далее он констатирует, что «в период фашистского двадцатилетия анализ различных местных исторических реалий был заменен историей, призванной подтвердить единство страны» (Толомео 2020: 168).

Итальянский профессор, ссылаясь на С. А. Токарева, отметила, что итальянское присутствие в городе было небольшим (Толомео 2020: 170) и констатировала, что «выводы С. А. Токарева были фактически закреплены в мирном договоре» (Толомео 2020: 171). Очень глубокомысленно еще одно высказанное Ритой Толомео соображение, что «определение итало-югославской границы в регионе Джулия дало начало важному процессу осмысления, сфокусированному на сложных связях между историческими исследованиями, гражданским активизмом и политическим использованием истории» (Толомео 2020: 171).

Сейчас нет возможности подробно рассказать, как осмысливалась и переосмысливалась ситуация вокруг Триеста в итальянской, югославской и постюгославской историографии. Отмечу лишь особую значимость этого сюжета не только для политики, но и для науки.

Хочется обратить внимание, что мозаичность населения изучаемого региона складывалась в далеком прошлом. «Разные народы уживались на этих землях до той поры, когда стали возникать противостояния на национальной почве, формировалось убеждение в том, что каждой территории должен соответствовать только один народ... Впоследствии такие идеи стали предпосылкой этнических конфликтов и насильственных изгнаний» (Толомео 2020: 178). Но это уже взгляд с позиций современной антропологии.

25 марта 1946. С. А. Токарев писал: «Мы — группа этнографов-экспертов всех делегаций — обследовали муниципальный архив г. Триеста и нашли подлинные материалы переписи 1910 г.: формуляры с записями по семьям. Там довольно много, между прочим, исправлений в графе «Umgagsschprache»: вместо «italiano» во многих случаях проштамповано «slowenisch» с подписью чиновника и самого опрашиваемого лица: это — результат ревизии, проведенной в 1911 г. по жалобе славянского населения города» (Токарев 2020: 281).

СССР, как известно, в послевоенном мирном урегулировании, и в частности, по поводу итало-югославской границы, был на стороне Югославии, отстаивал ее интересы.

В справке, представленной В. В. Геращенко (главой советской делегации) В. М. Молотову 7 апреля 1946 г., не содержалось конкретных цифр, а лишь предложения о том, что весь район Юлийской Крайны, включая Триест, должен принадлежать Югославии (Токарева 2020: 22; Сальков 2020: 120; АВП РФ 1. Л. 58). Единого решения по вопросу о границе эксперты 4-х держав не приняли, поэтому на состоявшейся в Париже в апреле-июле 1946 г. II сессии СМВД каждая делегация вынесла свои собственные предложения и рекомендации. Мнение советской делегации заключалось в том, что Истрия представляет собой югославскую этническую территорию, где итальянцы находятся в меньшинстве, будучи в западной части вкраплены островками в славянскую территорию (Токарева 2020: 22; Сальков 2020: 122–125).

С. А. Токарев вместе с другими членами делегации направился после работы в Триесте в Париж и Лондон.

Это были первые поездки Сергея Александровича за рубеж и, конечно, он был полон впечатлений. Подводя итоги 1946 года, в своем дневнике 31 декабря Сергей Александрович написал:

«Итоги 1946 г. весьма положительные в моей научной работе... поездка за границу на 4 месяца (Балканские страны, Юлийская Крайна, Лондон, Париж)

и большое расширение горизонта, особенно по славяноведению. Написаны (и вышли в свет) статьи «Этнографические наблюдения в Балканских странах», «Из новой литературы о Юлийской Крайне» (Из дневников 1995: 197).

17 марта 1947 г. «Узнал, меня посылают в Триест в качестве «советника-наблюдателя» для участия в работе по демаркации итало-югославской границы. 22 марта С.А. вновь вылетел в Триест. «Как непохоже теперь на то, что было в прошлом году! — пишет он в дневнике. — Теперь дела почти нет, только надо сидеть и “наблюдать”, как итальянцы и югославы проводят границу» (Из дневников 1995: 198).

На этот раз Токарев пробыл в Триесте 5 месяцев. Подводя итоги 1947 года, он пишет в дневнике 31 декабря, что эта поездка дала некоторое расширение горизонта по итальянско-фриульской и словенской этнографии, изучение итальянского языка (Из дневников 1995: 200).

Итак, экспертная деятельность С. А. Токарева в составе Международной комиссии по установлению новых послевоенных границ — это был тот случай, когда знания этнографов оказались востребованными не только на государственном, но и на международном уровнях.

Этнографические наблюдения С. А. Токарева

С. А. Токарева, конечно, в первую очередь привлекали этнографические наблюдения и, судя по дневникам, он использовал любую возможность, чтобы провести полевые исследования. В 1946 г. времени для таких поездок у Сергея Александровича было немного. В этом отношении 1947 г. был более удачным.

Как отметила Евгения Сергеевна Токарева, в его дневниках почти постоянно можно найти записи такого типа: «Я только в одном месте смог заглянуть внутрь жилища, — мне показали старинный очаг (огниште); я его снял и нарисовал» (13.04.1947). В течение последнего месяца Г. Н. Дульян, видимо, желая снизить желание Токарева вернуться в Москву, предоставил ему дополнительные возможности для этнографических поездок по региону. «Г. Н. Дульян, — записывает он 12.08.1947, — дает мне возможность провести работу по обследованию построек в деревнях Истрии». Так, 11 августа С. А. смог поехать в район Буе (Буйе) «с чисто этнографической целью: посмотреть двуязычное хорватско-итальянское население», 15 августа — «в словенскую северо-западную Истрию — для изучения построек». Несколько ранее, в июле, ему удалось съездить в румынскую деревню Жеяны недалеко от Опатии (Аббации): «Национальные костюмы, пишет Токарев, мало у кого сохранились, ибо итальянцы все пожгли во время войны. Но я сфотографировал старуху, надевшую национальную одежду по моей просьбе. Сфотографировал старый плуг с железным лемехом и резцом. Моя маленькая поездка — только разведка, но результат ее — возможность собрать здесь материал, ибо жители охотно рассказывают» (13.07.1947). Такая возможность Токареву так и не представилась. В августе 1947 г. он, наконец, после многочисленных просьб, был отпущен в Москву (Токарева 2020; Токарев 2020).

В подготовленной для издания, но так и неопубликованной статье С. А. Токарев констатировал, что «наибольший интерес для этнографа из районов Юлийской Крайны представляет полуостров Истрия...».

Известно, что в Истрии издавна живут бок о бок славяне и итальянцы, причем и те и другие представляют собой сложное переплетение разных по происхождению групп. Часть славян является потомками древних обитателей полуострова, первых славянских поселенцев VII–IX вв. Другие элементы славянского населения, кайкавско-словенские, чакавско-хорватские и смешанные, местные группы — чичи, безьяки, фучки и др. — представляют более поздние этнические слои — вплоть до небольшой кучки сербо-черногорцев, поселившихся в Истрии (с. Перой) в середине XVII в. Словенцы, как известно, занимают север Истрии — к северу от р. Драгоньи, во всей остальной ее части господствуют хорваты. Что касается итальянцев, то они тоже представляют собой различные этнические слои: на Юго-Западе Истрии (Валле-Диньяно) сохранились остатки древнего до-итальянского населения, потомки романизированных еще в римскую эпоху («истриатов»), ныне почти итальянизированные, но с особым архаичным диалектом; в Северо-Восточной части Истрии еще недавно отмечались следы фурланского диалекта — свидетельство наличия здесь в прошлом рето-романского элемента; с XIII в. начинается проникновение в Истрию венецианцев, скоро подчинивших себе западный берег; значительная часть итальянского населения — особенно городов Каподистрия, Пирано и др. — представляет собой именно потомков венецианских колонизаторов; далее, многие итальянцы Истрии — если не большинство их — суть не кто иной, как итальянизированные хорваты и словенцы. Наконец, немало — по некоторым данным до 30 тыс. — итальянцев переселилось в Истрию из старых провинций главным образом Южной Италии после 1920 г. («Regnicoli»).

... Но в связи с работой Комиссии собраны новые данные о географическом распределении славян и итальянцев и о количественном соотношении обеих национальностей.

Господствующие в литературе представления по этому вопросу, а также существующие этнографические карты, основываются на данных главным образом австрийской официальной статистики. Между тем, австрийские переписи (последняя из них — 1900 г.) отмечают не национальность населения и не родной язык, а «обиходный язык» (Umgangssprache). А этим обиходным языком, т. е. языком торговли, общественных и официальных учреждений, в двуязычных италославянских районах Истрии и соседних провинций был итальянский язык. Поэтому многие словенцы и хорваты, особенно горожане, вынужденные пользоваться в деловых сношениях итальянским языком, регистрировались при переписях как люди итальянского языка. Местами к этому присоединились и крупные злоупотребления итальянских муниципальных чиновников, производивших перепись. В силу этих причин цифры австрийских переписей как правило преувеличивали численность итальянского и преуменьшали численность славянского элемента Истрии. Еще более это можно сказать об итальянской переписи 1921 г., содержащей в себе прямую фальсификацию фактов.

После освобождения Истрии от германо-итальянского фашизма, в октябре 1945 г. Югославский Адриатический институт произвел в смешанных итало-славянских ее районах проверочную неофициальную перепись. При этой переписи регистрировался не обиходный язык, а национальность, определявшаяся заявлением опрашиваемого. В результате получились совершенно иные, чем прежде, данные о количественном соотношении и географическом распределении национальностей Истрии. Наша Комиссия имела в своем распоряжении материалы переписи 1945 г. и сама в ряде центров произвела их проверку, подтвердившую правильность полученных в 1945 г. данных.

По этим новым данным оказывается, что итальянцы в Истрии составляют не 38% (как по данным 1910 г.) и тем более не 57% (как по итальянской статистике 1921 г.), а всего около 27%. Они расселены почти исключительно по западному побережью полуострова и притом сосредоточены главным образом в городах. Итальянцы не занимают в Истрии нигде сплошной этнической территории, а лишь островки, окруженные словенским и хорватским населением. Последнее расселено местами вплоть до западного побережья, с которым славянская этническая территория сообщается 10–13 коридорами от Вальде [...]на севере до Премантуры на юге.

Лишь в одном районе — в которе Буе — итальянцы живут не только в городах: земля этой плодородной долины была захвачена итальянскими собственниками, и там, наряду с хорватскими крестьянами и арендаторами, есть и итальянцы-земледельцы. В других районах, в особенности в городах, многие хорваты и словенцы подверглись итальянизации, большинство хорошо говорит по-итальянски. Часть этого двуязычного населения — в округе Паренцо, особенно в коммунах Буе, Читтанова, Умаго, Вертенельо, Паренцо — затрудняется определить свою собственную национальность. Почти 8 тыс. человек отказались при проведении переписи 1945 г. ответить на этот вопрос. Впрочем, здесь сказывалась и запуганность населения итальянскими властями; большая часть этих людей «неопределенной национальности» впоследствии, во время пребывания там нашей Комиссии, объявила себя хорватами...» (Токарев 2020: 441–444).

Как истинный этнограф, Сергей Александрович отмечал, что очень интересно было бы проследить, каким образом отразилось многовековое соседство славян с итальянцами в Истрии на материальной и на духовной культуре. С. А. Токарев пишет:

«Любопытны культурные взаимоотношения обеих основных национальностей Юлийской Краины. Были времена, когда существовало благотворное сотрудничество и здоровое соревнование между славянами и итальянцами» (Токарев 2020: 484).

Ученый сетует, что у него не было времени заняться изучением взаимодействия славянских и итальянских культур, при этом вновь и вновь в своих заметках фиксирует свои наблюдения. Это были впечатления не простого путешественника, а этнографа:

«Господствующая форма расселения в славянской Истрии — небольшие поселки, группа которых составляет одну общину. Тип деревни — скученный, без определенного плана, что может быть отчасти связано с гористым рельефом местности. Постройки сохраняют в большинстве весьма архаичный вид. Истрия — царство камня, из которого сделаны и заборы, и полевые изгороди, и почти все постройки. Последние стоят столетиями» (Токарев 2020: 444).

Этнографические наблюдения, сделанные С. А. Токаревым в Болгарии, Сербии и Хорватии стали для нас не только ценным источником о традициях Балкан, но и дали основание ученому делать выводы о миграциях славян:

«Невольно напрашивается мысль о движении с севера на юг какой-то культурной волны, возможно связанной со вторжением славян: далее к югу, за Дунаем и Савой, эта волна иссякла, и славянские пришельцы, продвинувшиеся дальше всего на юг, предки болгар и сербов усвоили себе формы культуры, существовавшие там ранее (каменная архитектура домов с огнищем и пр.). Предки же хорватов и словенцев, не принадлежавшие к этому авангарду коло-

низации и менее продвинувшиеся на юг, удержали древнеславянские формы построек» (Токарев 1946а: 210; Токарев 2020: 475).

Некоторые этнографические записи С. А. Токарева все-таки увидели свет вскоре после его возвращения из командировки на страницах журнала «Советская этнография» в разделе «Хроника» (Токарев 1946а: 200–210). В следующем номере того же журнала Сергей Александрович опубликовал обзор новой литературы о Юлийской Крайне (Токарев 1946б: 162–175). Он отметил, что судьбы региона приковали к себе внимание общественности во всем мире.

«Вместе с тем ситуация в регионе породила богатую научную и научно-публицистическую литературу. В этой литературе содержится много новых ценных сведений по истории и этнографии, приводятся данные о численности, национальном составе и географии размещения населения» (Токарев 1946а: 200; Токарев 2020: 477).

Значительная часть этого материала, собиравшегося с утилитарными целями, по мотивам послевоенного передела мира, публиковалась впервые и представляет особый интерес не только для политиков, но и для этнографов, географов, историков.

Заключение

Этнографические включенные наблюдения Сергея Александровича Токарева, которые он называл «беглым знакомством» с населением Балкан, являются бесценным источником и научным трудом, раскрывающим самые разные грани традиций ушедшей от нас эпохи.

С позиций современной науки особый интерес представляет исследование итальяно-славянского пограничья, поскольку оно дает возможность на конкретном материале уточнить механизмы и закономерности развития местных этнокультурных процессов, показать их региональную специфику, дать прогноз дальнейшего развития. Очевидно культурное своеобразие населения пограничных территорий, обусловленное длительными и плотными контактами двух и более культур, сложными этнотрансформационными процессами. Как и в других аналогичных случаях, в окрестностях Триеста отличия региональной субкультуры от культуры жителей других территорий страны столь значительны, что вызывают необходимость их учета в национальной и языковой политике государств, вплоть до корректировки отдельных законов и указов. Игнорирование данного факта могло бы привести к конфликтным ситуациям или невозможности реализации принятых законов.

Хочется еще раз процитировать мысль итальянского ученого Риты Толмео о том, что «определение итало-югославской границы в регионе Джулия дало начало важному процессу осмысления, сфокусировавшемуся на сложных связях между историческими исследованиями, гражданским активизмом и политическим использованием истории» (Толмео 2020: 171).

Последствия проведения итало-югославской границы вновь и вновь свидетельствуют об огромном влиянии государственной границы не только на политическую, экономическую ситуацию, но и на социальную, культурную жизнь населения. Очевидно, что политические границы, так или иначе, становятся для разделенных территорий по многим параметрам дистанцирующим фактором. Вместе с этим, даже беглое знакомство с культурой и языком населения пограничья дает основание го-

ворить о существовании на этих территориях особых переходных форм культуры. Разумеется, в каждом конкретном случае этнокультурная и языковая ситуация имеет свою специфику, статус населения пограничья, его идентичность формируется под влиянием различных обстоятельств. В их числе социальная и культурная дистанция между контактирующими народами, общность или различие конфессий, национальная и языковая политика в странах проживания. В этой связи изучение и теоретическое осмысление этнокультурной ситуации на пограничных территориях различных стран с разными условиями жизни представляется чрезвычайно актуальным и важным для понимания путей формирования этнической идентичности (*Мартынова 2020; Мартынова, Филимонова 1981: 176–194*).

Что касается италийно-славянского пограничья, исследование показывает, что государственная принадлежность территорий и гражданство их населения, в результате воздействия целого ряда факторов, в частности, таких как образовательная, языковая и культурная политика властей, проявление общегосударственных интересов в разных сферах жизни и т. д., безусловно, влияют на идентичность населения стран региона. Это приводит к тому, что политическая граница становится определенным водоразделом и для жителей пограничных территорий. Вместе с тем, о полном единообразии культур местного населения в пределах одного государства и об отсутствии взаимовлияния проживающих по-соседству этнических групп говорить преждевременно. Находясь на периферии «культурного ареала», жители приграничных регионов меньше подвержены ассимиляции и унификации традиций, что позволяет им до сих пор сохранять локальные варианты культур и плюрализм идентичностей. Этому способствует и популярная в последние годы государственная политика, направленная на поддержание культурного многообразия. Но это уже тема другого исследования.

Источники и материалы

- АВП РФ 1 — Архив внешней политики РФ. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 7. Д. 32. Л. 25–26; Ф. 0451/П. Оп. 2. П. 7. Д. 32. Л. 58.
- АВП РФ 2 — Архив внешней политики РФ. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 25, 22.
- Архив РАН. Ф. 2 — Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945 г.). Д. 248. Л. 1., 4, 8.
- Токарев С. А.* Дневники // *Токарев С. А.* Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 183–440.
- Из дневников 1995 — Из дневников С. А. Токарева // Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке) / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 159–304.

Научная литература

- Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. 314 с.
- Красновская Н. А.* Фриулы: (историко-этнографические очерки). М.: Наука, 1971. 185 с.
- Маркова Л. В.* Сергей Александрович Токарев: человек, ученый, педагог // Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке). / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 41–57.
- Мартынова М. Ю.* Модель Триеста и население италийно-славянского пограничья // *Токарев С. А.* Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе.

- Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 55–63.
- Мартынова М. Ю., Филимонова Т. Д. Хорваты Истрии // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. И. Р. Григулевич. Вып. 11. М.: Наука, 1981. С. 176–194.
- Токарев С. А. Этнографические наблюдения в Балканских странах (1946) // Советская этнография. 1946а. № 2. С. 200–210.
- Токарев С. А. Из новой литературы о проблеме Юлийской Крайны // Советская этнография. 1946б. № 3. С. 162–175.
- Токарев С. А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. 544 с.
- Токарев С. А. (отв. ред.). Типы сельского жилища у народов Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968. 376 с.
- Токарева Е. С. Сергей Александрович Токарев и его поездки в Болгарию, Югославию и Италию (1946–1947 гг.) // Токарев С. А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 7–54.
- Толомео Р. Итальянская историография, посвященная городу Триесту и вопрос о провинции Джулия // Токарев С. А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 167–180.
- Сальков А. П. Проблема Юлийской Крайны (Венеции-Джулии) в советской международной политике (1918–1945 гг.) // Российские и славянские исследования. науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2009. С. 9–30.
- Сальков А. П. СССР в дипломатической борьбе за урегулирование Югославо-Итальянского конфликта вокруг Юлийской Крайны и Триеста (июль 1945 — июль 1946 г.) // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 / Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. Минск, 2010. С. 18–39.
- Сальков А. П. Югославо-итальянский национально-территориальный конфликт в Юлийской Крайне (Венеции-Джулии): баланс исторических и этнических аргументов на фоне геополитических и идеологических противоречий (первая половина XX века) // Токарев С. А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 53–166.

References

- Kozlov, S. Ya. and P. I. Puchkov (eds.). 1995. *Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank the Fortune for Meeting Him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — A Scholar and a Man]. 314 p.
- Krasnovskaya, N. A. 1971. *Friuly: (istoriko-jetnograficheskie ocherki)* [Friuli: (Historical and Ethnographic Sketches)], Moscow: Nauka. 185 p.
- Markova, L. V. 1995. Sergei Aleksandrovich Tokarev: chelovek, uchenyi, pedagog [Sergey Aleksandrovich Tokarev: a Man, a Scientist, a Teacher]. In *Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim (O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke)* [We Thank the Fortune for Meeting Him (About Sergey Aleksandrovich Tokarev — A Scholar and a Man)], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. 41–57.
- Martynova, M. Yu. 2020. Model' Triesta i naselenie ital'jano-slavjanskogo pogranich'ja [Trieste Model and the Population of the Italian-Slavic Borderland]. In Tokarev, S. A. *Problemy Triesta i Julijskoj Krajny v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnikhi chlena chetyrehstoronnej Komissii jekspertov po provedeniju italo-jugoslavskoj granicy* [The Problems of Trieste and the

- Julian Krajina in the Postwar Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Quadripartite Commission of Experts on the Italian–Yugoslav Boundary]. Moscow: Indrik. P. 55–63.
- Martynova, M. Yu. and T. D. Filimonova. 1981. Horvaty Istrie [Croats of Istria]. In *Rasy i narody: Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy* [Races and Peoples: Contemporary Ethnic and Racial Problems], ed. by I. R. Grigulevich. Vol. 11. Moscow: Nauka. P. 176–194.
- Salkov, A. P. 2009. Problema Julijskoj Krajny (Venecii-Dzhulii) v sovetskoj mezhdunarodnoj politike (1918–1945 gg.) [The Problem of Julian Krajina (Venice-Giulia) in Soviet Foreign Policy (1918–1945)]. In *Rossijskie i slavjanske issledovanija* [Russian and Slavic Studies], ed. by A. P. Salkov, O. A. Yanovsky et al. Vol. 5. Minsk: BGU. 9–30.
- Salkov, A. P. 2010. SSSR v diplomatičeskoj bor’be za uregulirovanie Jugoslavsko-Ital’janskogo konflikta vokrug Julijskoj Krajny i Triesta (ijul’ 1945 — ijul’ 1946 g.) [The USSR in the Diplomatic Struggle for the Settlement of the Yugoslav-Italian Conflict over Julian Krajina and Trieste (July 1945 — July 1946)]. In *Rossijskie i slavjanske issledovanija* [Russian and Slavic Studies], ed. by A. P. Salkov, O. A. Yanovsky et al. Vol. 5. Minsk: BGU. 18–39.
- Salkov, A. P. 2020. Jugoslavsko-ital’janskij nacional’no-territorial’nyj konflikt v Julijskoj Krajne (Venecii-Dzhulii): balans istoričeskij i jetničeskij argumentov na fone geopolitičeskij i ideologičeskij protivorečij (pervaja polovina XX veka) [The Yugoslav–Italian National–Territorial Conflict in Julian Krajina (Venice-Giulia): Balancing Historical and Ethnic Arguments against the Background of Geopolitical and Ideological Contradictions (first half of the 20th century)]. In Tokarev, S. A. *Problemy Triesta i Julijskoj Krajny v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnik chlena četyrehstoronnej Komissii jekspertov po provedeniju italo-jugoslavskoj granicy* [The Problems of Trieste and the Julian Krajina in the Postwar Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Quadripartite Commission of Experts on the Italian–Yugoslav Boundary]. Moscow: Indrik. 53–166.
- Tokarev, S. A. 1946a. Etnografičeskie nabljudenija v Balkanskih stranah (1946) [Ethnographic Observations in the Balkan Countries (1946)]. *Sovetskaja etnografija* 2: 200–210.
- Tokarev, S. A. 1946b. Iz novej literatury o probleme Julijskoj Krajny [The New Literature on the Problem of the Julian Crane]. *Sovetskaja etnografija* 3: 162–175.
- Tokarev, S. A. 2020. *Problemy Triesta i Julijskoj Krajny v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnik chlena četyrehstoronnej Komissii jekspertov po provedeniju italo-jugoslavskoj granicy* [The Problems of Trieste and the Julian Krajina in the Postwar Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Quadripartite Commission of Experts on the Italian–Yugoslav Boundary]. Moscow: Indrik. 544 p.
- Tokarev, S. A. (ed.). 1968. *Tipy sel’skogo žilishha u narodov Zarubezhnoj Evropy* [Types of Rural Dwellings in the Populations of Outside Europe]. Moscow: Nauka. 376 p.
- Tokareva, E. S. 2020. Sergej Aleksandrovič Tokarev i ego poezdki v Bolgariju, Jugoslaviju i Italiju (1946–1947 gg.) [Sergey Aleksandrovič Tokarev and his Trips to Bulgaria, Yugoslavia and Italy (1946–1947)]. In Tokarev, S. A. *Problemy Triesta i Julijskoj Krajny v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnik chlena četyrehstoronnej Komissii jekspertov po provedeniju italo-jugoslavskoj granicy* [The Problems of Trieste and the Julian Krajina in the Postwar Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Quadripartite Commission of Experts on the Italian–Yugoslav Boundary]. Moscow: Indrik. P. 7–54.
- Tolomeo, R. 2020. Ital’janskaja istoriografija, posvjashhennaja gorodu Triestu i vopros o provincii Dzhulija [Italian Historiography on the City of Trieste and the Question of the Province of Giulia]. In Tokarev, S. A. *Problemy Triesta i Julijskoj Krajny v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnik chlena četyrehstoronnej Komissii jekspertov po provedeniju italo-jugoslavskoj granicy* [The Problems of Trieste and the Julian Krajina in the Postwar Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Quadripartite Commission of Experts on the Italian–Yugoslav Boundary]. Moscow: Indrik. P. 167–180.